E-ISSN: 1857-3533

СЛАВЯНЕ НА ДУНАЕ. ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ

Ad memoriam Л. Нидерле

Пражская культура в Чехии, Моравии и Словакии — славяне и их контакты

Первые славяне и их соседи в Потисье и рядом

Модель славянской экспансии в Восточных Альпах

О славянизации Северной Далмации и Иллирии

Раннеславянские памятники в Сербском Подунавье и на Северо-Востоке Балкан

Разные славяне Псевдо-Маврикия

Вооружение и конское снаряжение у славян

По следам прошлых дискуссий

Ответственные редакторы: **Игорь О. Гавритухин Роман А. Рабинович**

E-ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 5. Archaeology and Cultural Anthropology

The Slavs on the Danube. Homeland Found

Ad memoriam L. Niederle
Prague Culture in Czechia, Moravia and Slovakia — the Slavs and their contacts
The first Slavs and their neighbors in Tisza Region and in the neighborhood
A model of Slavic expansion in the Eastern Alps
On Slavisation of Northern Dalmatia and Illyria
Early Slavic sites in Serbian Danube region and in the North-Eastern Balkans
Different Slavs of Pseudo-Maurice
Slavic Ammunition and Horse Harness
Follow-up to earlier discussions

Editors-in-Charge — Igor O. Gavritukhin Roman A. Rabinovich,

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.

2015

Stratum plus. Nr. 5. Arheologie și antropologie culturală

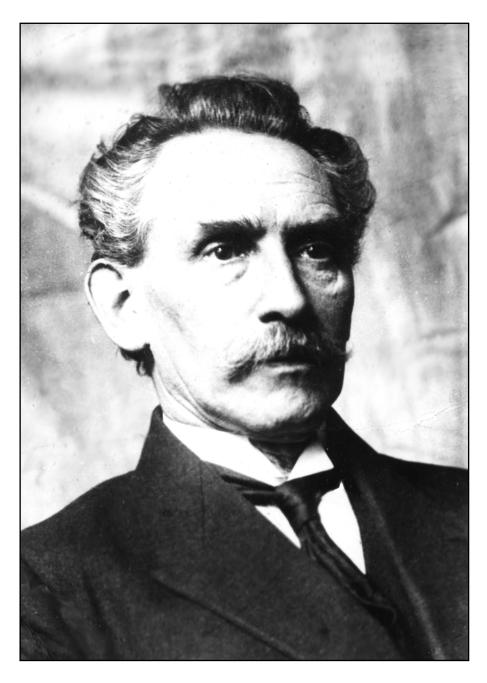
Slavii de pe Dunăre. Descoperirea patriei

Ad memoriam L. Niederle Cultura Praga în Cehia, Moravia și Slovacia — slavii și contactele lor Primii slavi și vecinii lor pe Tisa și în apropiere Modelul expansiunii slave în Alpii de Est Despre slavizarea Dalmației de Nord și a Iliriei Monumente slave timpurii în Serbia Dunăreană și în nord – estul Balcanilor Slavii diferiți ai lui Pseudo-Mauricius Armament și piese de harnașament la slavi Pe urmele vechilor discuții

> Redactorii responsabili — Igor O. Gavritukhin Roman A. Rabinovich,

Sankt Petersburg. Chişinău. Odesa. Bucureşti.

Посвящается 150-летию со дня рождения **Любора Нидерле**

Volume dedicated to Lubor Niederle's 150th Birthday Se dedică aniversării a 150-a de la nașterea lui Lubor Niederle

Stratum plus 9

№5. 2015

СОДЕРЖАНИЕ

AD MEMORIAM

И.О. Гавритухин (<i>Москва</i> , <i>Россия</i>). Дунайский «страт» раннеславянской археологии. От редакторов этого номера
Д. Елинкова (Брно, Чехия), И.О. Гавритухин (Москва, Россия). Любор Нидерле (1865—1944)
В. Я. Петрухин (Москва, Россия). Любор Нидерле и начало славян 35
« СѢЛИ СУТЬ СЛОВѢНЕ ПО ДУНАЕВИ»
М.М. Казанский (Париж, Франция). Вооружение и конское снаряжение славян V—VII вв
Н. Профантова (Прага, Чехия). Славяне на территории Чехии и их контакты в VI—VII вв
Д. Елинкова (<i>Брно, Чехия</i>). К изучению культуры с керамикой пражского типа на территории Моравии: формирование и особенности
Г. Фусек (Нитра, Словакия). Древнее славянское население на территории Словакии
И. Станчу (Клуж-Напока, Румыния). Ранние славяне в румынской части Карпатского бассейна
П.В. Шувалов (Санкт-Петербург, Россия). Разные славяне в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия

«... ДА И ЗА ДУНАЙ, ЗА ДУНАЙ ...»

А. Плетерский (Любляна, Словения). Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях
Дж. Янкович (Белград, Сербия). О славянизации Северной Иллирии и Далмации
Д. Радичевич (Белград, Сербия). К изучению раннеславянских памятников Сербского Подунавья (вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности)
Н. Хрисимов (Велико Тырново, Болгария). Раннеславянские памятники в северо-восточной части Балканского полуострова 309
ПО СЛЕДАМ ПРОШЛЫХ ДИСКУССИЙ
Л.С. Клейн (Санкт-Петербург, Россия). Ленинградский неонорманизм — в самом деле?
О. Л. Губарев (Санкт-Петербург, Россия). «Неонорманизм» или неоантинорманизм?
Список сокращений
Авторам Stratum plus

Stratum plus

№5. 2015

CONTENTS

AD MEMORIAM

I.O. Gavritukhin (Moscow, Russian Federation). The Danube "Stratum" of the Early Slavic Archaeology. A Word from the Editors
D. Jelínková (Brno, Czech Republic), I.O. Gavritukhin (Moscow, Russia). Lubor Niederle (1865—1944)
V. Ya. Petrukhin (Moscow, Russian Federation). Lubor Niederle and the Beginning of the Slavs
" AND THE SLAVS SETTLED ON THE DANUBE"
M.M. Kazanski (<i>Paris</i> , <i>France</i>). Slavic Weapons and Harness of the 5 th —7 th Centuries
N. Profantová (<i>Prague</i> , <i>Czech Republic</i>). Slavs on the Territory of Czechia and their Contacts in 6 th —7 th Centuries
D. Jelínková (Brno, Czech Republic). On the problem of Prague-Type Pottery Culture in Moravia: the origins and specifics
G. Fusek (Nitra, Slovakia). Earliest Slavic Population on the Territory of Slovakia
I. Stanciu (Cluj-Napoca, Romania). The Earliest Slavs in the Intra-Carpathian Region of Romania
P.V. Shuvalov (Saint Petersburg, Russian Federation). Diverse Slavs in Pseudo-Maurice's Strategikon

"... ALL THE WAY ACROSS THE DANUBE ..."

A. Pleterski (<i>Ljubljana</i> , <i>Slovenia</i>). The Early Slavs in the Eastern Alps and Their Periphery
Dalmatia
D. Radičević (Belgrade, Serbia). Towards the Study of the Early Slavic Sites of the Serbian Danube Region (Questions of Chronology and Ethnocultural Belonging)
N. Hrissimov (Veliko Tarnovo, Bulgaria). Early Slavic Sites in the North-Eastern Part of the Balkan Peninsula
FOLLOW-UP ON EARLIER DISCUSSIONS
L.S. Klejn (Saint Petersburg, Russian Federation). Leningrad Neonormanism Indeed?
O.L. Gubarev (Saint Petersburg, Russian Federation). "Neo-Normanism" or Neo-Antinormanism?
Abbreviations
Submissions 359

Stratum plus 227

№5. 2015

А. Плетерский

Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях

Keywords: Slavs, Vlachs, 6th—7th centuries, Eastern Alps, Pannonia, settlement, economy, social organisation, župa, pottery, slavisation.

Cuvinte cheie: slavi, vlahi, secolele VI—VII, Alpii de est, Panonia, așezare, economie, organizare socială, jupa/župa, ceramică, slavizare.

Ключевые слова: славяне, влахи, VI—VII вв., Восточные Альпы, Паннония, поселение, экономика, социальная организация, жупа, керамика, славянизация.

A Pletersk

The Early Slavs in the Eastern Alps and Their Periphery

The article deals with the space between the Danube and the northern Adriatic mainly in the 6th and 7th centuries, when this space was transformed from a part of the Roman Empire in the territory in which they sprung early Slavic principalities. It defines the term Slav, reconstructs the contemporary Slavic identity, gives a brief overview of the material culture of the Slavs, their social organization and legal mechanism of Slavisation. It presents a model of Slavic expansion by separate groups, which in the described area lasted for at least three centuries and started no later than in the first third of the 6th century.

A. Pleterski

Slavii timpurii în Alpii de Est și teritoriile vecine

În lucrare este analizată zona dintre Dunăre şi Marea Adriatică de Nord, în speță în secolele VI și VII, când acest spațiu a fost transformat dintr-o parte a Imperiului Roman în teritoriu ocupat de către cnezatele slave timpurii. Este concretizată noțiunea de "slav", reconstruită identitatea slavă în perioada menționată precum și este oferită o imagine de ansamblu asupra culturii materiale a slavilor, organizarea lor socială și posibilele căi de slavizare. Este prezentat modelul de expansiune slavă în grupuri separate, care în teritoriul în cauză a durat timp de trei secole și a început nu mai târziu de prima treime a secolului VI.

А. Плетерский

Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях

Рассматривается территория между Дунаем и Северной Адриатикой, главным образом в VI и VII вв., когда это пространство трансформировалось из части Римской империи в территорию, которую занимали ранние славянские княжества. Уточняется понятие «славянин», реконструируется славянская идентичность того времени, приводится обзор взглядов на материальную культуру славян, их социальную организацию и вероятные пути славянизации. Представлена модель славянской экспансии отдельными группами, которая на рассматриваемой территории длилась в течение трех веков и началась не позже чем в первую треть VI в.

В статье рассматривается территория у восточных отрогов Альп и смежных регионов между Дунаем и северной Адриатикой (рис. 1), на стыке исторических областей Бавария, Италия, Паннония, Балканы. Особое

внимание уделяется периоду VI—VII вв., когда это пространство трансформировалось из части Римской империи в земли раннеславянских княжеств, самое известное из которых — Карантания.

[©] Stratum plus. Археология и культурная антропология.

[©] А. Плетерский, 2015.

[©] Перевод статьи с английского языка: С.С. Рябцева, 2015.

Рис. 1. Восточные Альпы с прилегающими землями в VI в. и славянские княжества VIII в.: 1 — земли лангобардов в середине VI в. (до 568 г.); 2 — основная зона автохтонного населения, сохранившегося за пределами Италии («влахи»); 3 — ареал слова *gъlčěti.

Fig. 1. Eastern Alps and the periphery in the 6th century and the Slavic principalities in the 8th century: 1 — the territory of the Lombard settlement (before 568); 2 — intensive settlement of the old-settlers outside Italy ("Vlachs"); 3 — space of the word *qulčěti.

Политическая ситуация в Восточных Альпах в период появления славян

Пространство Римской империи было притягательно для различных народов, которые стремились получить военную добычу или территорию для расселения, если это было возможно. Понятно, что их вела мечта об изобильной и удобной для жизни земле. Даже после распада Империи на две части Италия с Римом оставались среди наиболее притягательных земель. Главной дорогой туда с северовостока были так называемые Люблянские ворота между Альпами и Северной Адриатикой. В течение IV—VI вв. через них прошла длинная череда различных вооруженных групп варваров. Военная и политическая история

этого периода весьма разноплановая и содержит множество деталей, которые не являются необходимыми для понимания процесса расселения славян. В V в. имперские границы на Дунае сделались проницаемыми. В 488 г. правивший тогда в Риме Одоакр утратил контроль над провинцией Прибрежный Норик (Noricum ripense, северная часть исследуемого региона) и вывел часть ее населения в Италию (Bratož 2014: 115—369).

Это не значит, что в результате этого события Альпийский регион вплоть до Дуная опустел, но он уже не представлял интереса для римских авторов, и пятно недостаточного внимания в письменных источниках распространилось на восток от Альп. В середине VI в. франки, остготы и византийцы с разным успехом стремились к контролю над рассматрива-

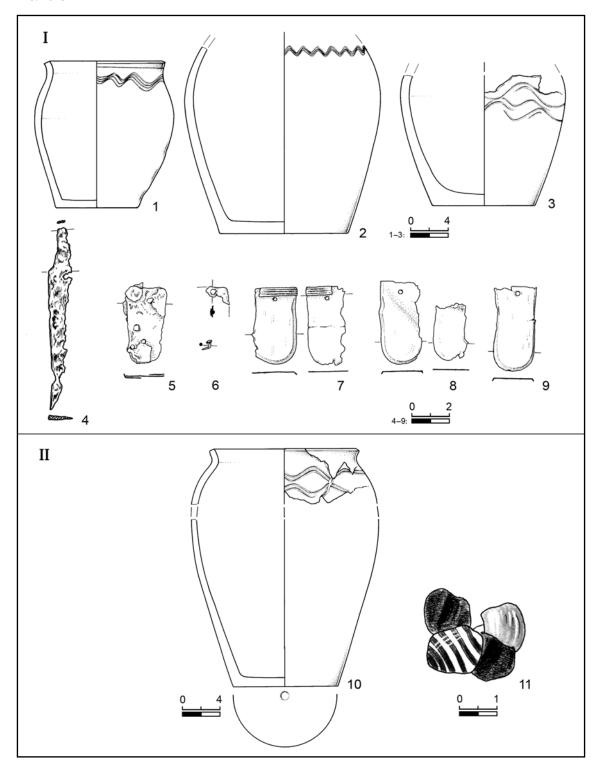

Рис. 2. Эннс, Австрия. Находки из погребений I и II (по Muschal 2002: Abb. 4; Pleterski 2010a: sl. 4.81, 4.82).

Fig. 2. Enns, Austria. Objects from graves I and II (after Muschal 2002: Abb. 4; Pleterski 2010a: sl. 4.81, 4.82).

емым регионом. В 568 г. лангобарды после соглашения с аварами направились в Италию, а авары в течение нескольких лет установили контроль над Паннонией, захватив в 582 г. имевший стратегическое значение Сирмий

на юге Среднего Подунавья. В начале VII в. Византия сохраняла контроль лишь в Истрии к югу от Люблянских ворот, которые были заблокированы лангобардами из Фриулии, входившей в одно из сильнейших лангобардских

герцогств со столицей в Чивидале. Баювары, тогда формально зависимые от франков, в Восточных Альпах проникли до области Агунт, где около 610 г. были разбиты славянами (Bratož 2014: 371—503), что привело к ограничению сферы влияния германцев.

Для внешних наблюдателей территория между Дунаем и Северной Адриатикой в VII—VIII вв. была малоинтересна. В глазах историков того времени решающей силой в Паннонии был Аварский каганат. Важно, что значительная часть его населения состояла из славян. По данным археологии, вовсе не очевидно, что авары (в строгом смысле слова — люди азиатского происхождения) некоторое время управляли всеми славянами Подунавья. Напротив, это не вероятно.

Важен вопрос, существуют ли археологические критерии разграничения культуры авар и славян. Показательный пример (рис. 2) — погребения VII в. по обряду кремации в Эннсе (Австрия), где бусы (возможно, из женского погребения) аналогичны известным у соседних баюваров, а детали поясного набора (возможно, из мужской могилы), напротив, сходны с встречающимися в Паннонии (Muschal 2002; Pleterski 2010: 145—147). Если бы это были ингумации, их бы, как обычно, объявили аварскими. Однако урны из этих погребений похожи на горшки из близлежащего поселения VII в. Лехен близ Мителькирхена, с большой долей вероятности связанного со славянами (Tovornik 1984; Pleterski 2010b).

Важность упомянутых Люблянских ворот может быть продемонстрирована и с помощью лингвистики. Это пространство сейчас принадлежит словенскому языку, который подразделяется более чем на 40 диалектов, что больше, чем у большинства других славянских языков, в том числе тех, носители которых более многочисленны. В связи с этим немаловажен забавный комментарий покойного словенского этимолога Франсе Безлая, сделанный им в одной из своих лекций. Он сказал, что это разнообразие диалектов производит впечатление, будто каждое славянское племя послало свою делегацию в Словению. Конечно, не все словенские диалекты должны быть связаны со временем славянского расселения, но их столь большое число не может быть полностью объяснено позднейшим языковым развитием, поскольку у других славян, живших в схожих условиях, такого множества диалектов нет. Объяснение Безлая очаровательно и его можно юмористи-

чески дополнить, сказав, что упомянутые «делегации» на самом деле шли в Италию, но застряли у Люблянских ворот, запертых лангобардами. Можно смеяться над этой мыслью, но это сейчас не худшее объяснение того, почему множество различных славянских групп искали более плодородные земли и беззаботное существование, но все закончилось тяжелой жизнью в гористых землях между Дунаем и Северной Адриатикой. Письменные источники содержат упоминания об отдельных военных конфликтах со славянами (и/или аварами), но не дают картины славянского расселения. Это открывает простор для различных интерпретаций. Немногие из письменных источников содержат описание образа жизни древних славян. Таким образом, приоритетное значение имеют археологические источники.

Само и Карантания

В качестве первого известного и важного в политическом и в военном отношении славянского государственного образования может рассматриваться держава, возглавляемая Само (623—658). Единственный письменный источник, который напрямую связывает восточноальпийский регион и Само — трактат, составленный более чем на двести лет позже интересующих нас событий — «Conversio Bagoariorum et Carantanorum» («Обращение баюваров и карантанцев») (Lošek 1997). Это чрезвычайно тенденциозное сочинение было создано в 870 г. (Lošek 1997: 6; Wolfram 2012: 27) или в 878 г. (Schnizer 1997) для защиты территориальных интересов Зальцбургской церкви в связи с миссионерской деятельностью св. братьев Кирилла и Мефодия. Неизвестный автор, который был мастером наводящих на раздумья информационных вставок (Pleterski 1998: 250), утверждает, что Само был князем карантанцев (Conversio II, 4). Часть исследователей видит в этом свидетельство того, что карантанцы были частью объединения во главе с Само. Однако такому пониманию противоречат события во время нападения франкского короля Дагоберта на Само и возглавляемых им славян (Плетерский 2012: 201—204).

Данные археологии свидетельствуют об альянсе баюваров и славян, которых есть основание считать входящими в объединение Само (Pleterski 2003: 645); с другой стороны, письменные источники описывают военную конфронтацию между баюварами и славянами в Восточных Альпах, что явно противоречит

позднейшему утверждению о Само как князе восточноальпийских карантанцев. Уже поэтому это утверждение не вызывает доверия. Оно может быть объяснено явной тенденцией трактата «Conversio...» к систематическому преувеличению заслуг баюваров и зальцбургского диоцеза в христианизации Карантании. То, что для VII в. есть данные о вооруженных столкновениях баюваров и восточноальпийских славян — аргумент против утверждения о Само как карантанском князе, поскольку очевидно, что баювары сотрудничали с ним. Чтобы исключить все сомнения, отметим, что в продолжении «Conversio...» — сочинении «Gesta Dagoberti» повторяется бесспорно ложное утверждение, что Дагоберт подчинил себе славян Само (Wolfram 2012: 116). Итак, письменным источникам о правлении Само в Карантании нельзя доверять. Само совершенно точно не был карантанским князем!

Кто были славяне

В наше время требуются ответы как на вновь возникающие вопросы, так и новое осмысление якобы решенных проблем. Исследование славян — не исключение. Понять славян — значит иметь представление об их образе жизни, складывающемся из социально-экономическо-идеологической триады. Но из-за недостатка письменных источников очень мало известно об этих характеристиках славян в раннем Средневековье. Все существующие письменные источники были созданы не славянами, зависят как от взгляда их авторов, так и от границ их возможности понять описываемый объект. Способность к пониманию того, кто чужд и даже страшен, явно не велика, поэтому нам очень не хватает информации о славянах интересующего нас времени, исходящих от них самих. Согласно средневековым авторам, славяне были людьми, преимущественно одного языка (lingua), закона (lex) и обычаев (consuetudines), хотя со времени принятия христианства и в соответствии с его разделением на католическую и православную ветви эти авторы пишут, что славяне не принадлежат к одному вероисповеданию (ritus) (Štih 2011: 37—41). Однако в народной культуре славян дохристианские верования сохранились до наших дней, причем до такой степени и в таких деталях, что оказалось возможным осуществить довольно достоверную реконструкцию общей древнеславянской религиозной традиции (Toporov 2002; Katičić 2008; 2010; 2011; Pleterski 2014). Причем различия между славянами были зна-

чительно меньше, чем они формально, казалось, должны были бы быть. Уверенность, что сведения о части славян можно распространить на более широкий славянский круг, иллюстрируется агиографией, например, Житием Мефодия (гл. II и V) IX в., которое описывает жизнь и служение «славянских апостолов» святых Константина-Кирилла и Мефодия. По мнению автора Жития, Мефодий был предопределен для его дальнейшего служения в Моравии и Паннонии тем, что в ходе своей предшествующей карьеры он был архонтом славян, живших за 1000 км оттуда — близ Фессалоник (на северо-востоке современной Греции). Это, конечно, не обязательно означает, что славяне были целым, функционирующим как единый организм.

С IX в. в нашем распоряжении имеются также важные данные о самосознании народа, который другие воспринимали как славян. В Житии Мефодия (гл. V) говорится, что моравские князья Ростислав и Святополк в письме византийскому императору Михаилу называют себя и свой народ «мы Словтьни». Древнеславянское *Slověne некоторые этимологи объясняют как «люди около реки *Slova или*Slovy», что обосновано синтаксически, но хуже других интерпретаций с точки зрения смысла. Семантически лучше подкреплено другое объяснение этого имени, которое выводит его из протославянского *slovo — «слово». Славяне, таким образом, были людьми, с которыми мог говорить каждый, кто понимал их язык. В пользу этого мнения свидетельствует тот факт, что славяне называли своих западных германских соседей *němьсі — «немцы», что означало людей, которые не говорят (Snoj 1997: 582; с новыми доказательствами: Schallert, Greenberg 2007: 13). Славяне, поэтому, должны были быть братьями по языку. Это наименование могло применяться по отношению к родственным племенам, чьи соседи не были осведомлены о племенных именах (Popowska-Taborska 2005: 74).

Люди в IX в., конечно, не были знакомы с современными интерпретациями этимологов, однако, имели собственные представления о значении имени. Это просматривается в житии Константина-Кирилла (Житие Константина, гл. XIV): когда император Михаил посылал Константина к мораванам, Константин понимал, что его миссионерская работа не будет успешной, если она не будет осуществляться при помощи книг на родном славянам языке. Одновременно ему было ясно, что его могут объявить еретиком, поскольку в качестве церковных языков при-

знавались только три: латинский, греческий и еврейский. Однако, согласно житию, сам Бог послал Константину письмо на славянском языке, возвысив тем самым славянский над большинством языков. Согласно утверждениям биографов, Константин первоначально написал по-славянски начало Евангелия от Иоанна, в котором повторяются три раза слово «Бог» и три раза слово «слово». Это ассоциируется с этимологической конструкцией славяне — слово, указывая на связь славян со словом самого Бога (Bratulić 1994: 28; Топоров 1998: 24—25¹). Этимология, которая до сих пор сохраняет свою актуальность, показывает, насколько важной частью славянской идентичности являлся их язык.

Мигрировали собственно славяне или только модель их образа жизни?

Конечно, вопрос «откуда происходят славяне?» являлся предметом дискуссий многих исследователей. В связи с этим мы можем ограничиться краткой фиксацией трех основных подходов. Традиционно существуют противоречия и конфликты между автохтонистами и аллохтонистами (миграционистами). Согласно первой концепции, славяне были на определенной территории коренным населением, то есть, они там жили очень давно и долго, по второй — на рассматриваемых землях они были пришельцами, вступавшими в отношения с местным населением. К какой концепции принадлежит та или иная интерпретационная модель, конечно, зависит и от установок исследователя (например, можно обратиться к полемике между польскими автохтонистами и аллохтонистами, см.: Sułkowski 1985). Однако под влиянием англосаксонских антропологических теорий возникла и третья концепция, согласно которой славяне в Европе распространялись не как «биологический» феномен, а как культурная модель образа жизни с языковым компонентом данной культурной модели (Barford 2001; Curta 2001; 2008; 2010; 2010a; Dzino 2008; 2009). Недостаток данной концепции состоит в том, что она в основном сосредоточена на механизме передачи культурной модели, и гораздо меньше — на ее происхождении. На другие слабые места в ее аргументации указывает Владимир Сокол это недостаточное знание адептами концепции конкретных материалов, что приводит к произвольным интерпретационным выводам (Sokol 2011).

Если письменные источники не описывают славянскую миграцию в области между Дунаем и Адриатическим морем, то на какой археологический материал мы можем опираться? Необходимо признать, что на данной территории не известны землянки, характерные для славянских культур ряда других регионов, и если именно они будут являться показателем присутствия славян, то тогда нужно полагать, что славян на интересующих нас землях не было вовсе.

Другое дело, если мы возьмем в качестве признака присутствие и распространение лепной керамики, близкой так называемой керамике пражского типа. В последние два десятилетия стала доступной серия датировок с использованием ¹⁴С, которые показывают, что как лепная, так и большинство неорнаментированной керамики в рассматриваемом регионе (особенно на северо-востоке Словении) в основном появляется не позднее 584 г. (Pleterski 2010а: 127—129). Эти находки происходят главным образом из незадолго до этого возникших поселений, где такая керамика превалирует или является единственным типом сосудов.

Есть данные, что из-за экономического коллапса в исследуемом регионе и местное население в конце VI — начале VII вв. изготовляло довольно примитивную посуду, в некоторых случаях даже полностью сделанную вручную (Pleterski 2010a: 139—141; Modrijan 2011: 209—212). Однако это не означало полный отказ от использования гончарного круга и полного упрощения форм сосудов. Кроме того, эта керамика (рис. 3) явно отличается по форме и технике изготовления от лепной керамики, близкой пражскому типу. По упомянутой антропологической модели культурных адаптаций, появление подобной керамики объясняется феноменом желания подражать соседям, поэтому и происходит отказ от существовавших навыков. Такое объяснение выглядит несуразно, хотя бы потому, что вскоре те же люди отказались от изготовления только лепной керамики (Pleterski 2010a: 129) и производили посуду с помощью гончарного круга.

Для обсуждаемого времени и региона мы имеем простое и эффективное объяснение, если применить принцип «бритвы Оккама»: на этой территории поселились новые группы людей, имевшие навыки, отличающиеся от навыков местных жителей. Мы можем упрощенно говорить о местных вла-

¹ За дружескую помощь я благодарю Владимира Нартника.

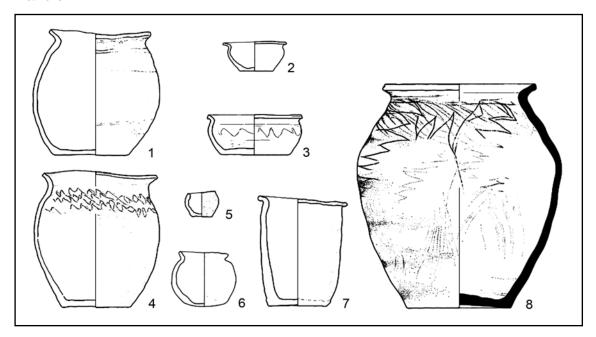

Рис. 3. Айдовски-градец у Вранье близ Сеницы, Словения. Керамические сосуды (по Knific 1979: 780, sl. 158; 1994: pl. 5).

Fig. 3. Ajdovski gradec above Vranje next to Sevnica, Slovenia. Pottery (after Knific 1979: 780, sl. 158; 1994: pl. 5).

хах (см. ниже) и новопоселенцах славянах. Преимущества гончарного круга были достаточно очевидны, и новые жители быстро восприняли его от влахов.

У нас есть хорошие возможности для идентификации языка, на котором говорили новые поселенцы в округе Восточных Альпах в VII в. Он был «вписан» в ландшафт. Топонимы — это часть культурного ландшафта, а археологические находки датируют их появление. Комплексные микрорегиональные исследования в Бледе на северозападе Словении четко указывают на время, когда, кроме влахов, здесь расселились славяне, которые в качестве новых хозяев и владельцев территории по-новому организовывали и называли свою собственность. Эти топонимы, связанные с расселением и образом хозяйствования, сохранились до наших дней, и они в основном бесспорно славянские, сейчас — словенские. Появление же славян в Бледе датируется 1-й четвертью VII в. (Pleterski 2010a: 161—168; 2013a: 31—112).

Также я хочу обратить внимание на огромный потенциал информации, содержащейся в устной традиции. Это источники, которые историки (изучающие письменные источники) обходят стороной. Использование устной традиции как источника знаний об истории наталкивается на ряд трудностей и «подводных камней» (ср.: Vansina 1985). Но если мы сможем распознать недостатки этого источника и избежать их, то сумеем получить очень

ценную информацию. Фольклорная традиция, так же, как и язык, хранит множество воспоминаний о более или менее далеком прошлом.

Перспективы конкретных возможностей исторической интерпретации устной традиции в связи со словенскими материалами обсуждались Катей Хробат (Hrobat 2003: 41—43; 2010: 13—15). Ее «негативные» аргументы можно суммировать выводом: одна из характеристик устной традиции состоит в том, что она не имеет временной глубины, поскольку различает только настоящее и прошлое. Это отрицательная сторона для использования фольклорной традиции в исторических реконструкциях. Положительная сторона состоит в том, что эта традиция очень чувствительна ко всему происходящему в пространстве. Пространство и отношение к нему принадлежат к субъектам, тяжело поддающимся манипуляциям.

В связи с проблемой славянского расселения нас будет интересовать то, что относится к взаимосвязям между славянами и влахами. Тема альпийско-балканских валахов, конечно, чрезвычайно обширна. Как минимум, здесь необходимо краткое примечание, без которого не может быть понятно начало славянского расселения к югу от Дуная, а уж тем более вся история этой области во все века вплоть до современности. Слово «влахи» будет использоваться для обозначения романизированного и нероманизированного населения, с ко-

торым славяне столкнулись в Дунайском регионе и на Балканах в период своего расселения (ср.: Kos 1939: 226—227). Особенно много характеризующего влахов, их жизнь и сосуществование со славянами сохранилось в западной части Словении (Pleterski 2005). Фольклор деревни Полица (западная Словения) содержит воспоминания о странных незнакомцах, которые поселились в окрестностях села, после чего все жители, за исключением одного, погибли от чумы. В представлениях соседних жителей в XIX в. этими иммигрантами считались цыгане. Это не согласуется с историей сельского поселения, для которого прослеживается непрерывное развитие с раннего Средневековья. Народные повествования глубоко отражают социальные условия с момента своего зарождения или со времени записи, хотя рассказчик может изменить историю, чтобы она соответствовала его взглядам на жизнь и уровню его понимания. С этой точки зрения объяснение выглядит весьма простым. Название «цыгане» — недавнее. В сознании людей оно заняло место более старого термина, которым обозначали иностранцев, вновь прибывших людей, отличавшихся этнически. Это были те, кто осуществил деление земли, сохранившееся до настоящего времени. Судя по топонимам, они были славянского происхождения. В этой связи наиболее вероятно, что в области нынешней Полицы находилось поселение влахов, которое в раннем Средневековье почти полностью опустело. Новые (славянские) поселенцы, таким образом, нашли оставленное жителями поселение и некоторые обработанные ими земли. В глазах соседних влахов славянские поселенцы, конечно, рассматривались как пришельцы (Pleterski 2006).

Чрезвычайно интересно понятие «нас», как оппозиция понятию «цыгане», присущая народной традиции региона. Эта оппозиция эквивалентна отношению влахов к славянам — означая мы, влахи, против цыган, славян. Из этого следует, что преобладание понятия нас, большинства, порождено местной традицией влахов, а это подтверждает автохтонистскую модель славянского этногенеза. Позднее старые поселенцы заменили свой язык на славянский, что подтверждает модель «культурной ассимиляции». Данная фольклорная традиция сохраняет явные воспоминания о славянской колонизации, что не было бы возможным, если бы это не произошло реально в раннем Средневековье. Последнее подтверждает миграционистскую модель славянского этногенеза. Пример деревни Полица демонстрирует, что для понимания этногенеза славян необходим синтез трех интерпретационных моделей — автохтонистской, миграционистской, культур-ассимиляционной (Pleterski 2013b: 636; 2013c: 30).

Сказанное, с учетом всех возможных возражений, показывает, что миграции групп людей, называемых славянами, действительно происходили. Однако если мы признаем, что славяне мигрировали, мы должны решить проблему: как они могли за столетие после гуннского нашествия в Европу заселить огромные территории, хотя их изначальная территория была относительно небольшой, откуда могло взяться так много людей? Станислав Курнатовский писал о длительности периода экспансии и ассимиляционной мощи славян. Впоследствии он уточнил, что имел в виду в первую очередь лингвистическую ассимиляцию. Механизмы данного процесса, конечно, были очень разнообразны, но итог зависит от соотношения сил — демографических, экономических, политических, социальных, культурных, идеологических. При этом начало процесса невозможно представить без физического присутствия, по крайней мере, небольшого числа носителей языка, который затем преобладал (краткий общий обзор см.: Kurnatowski 1979: 466—470).

Стать славянами

Значительную ассимиляционную мощь славян характеризует то, что они постепенно поглотили многие группы балтов, финноугров и других этносов (включая таких, как анты, хорваты, болгары до их славянизации), как и не ушедшее из зоны славянской колонизации на юг и запад римское и германское население. Без этой мощи нельзя не только объяснить значительный размер заселенной славянами территории, но и, например, быстрое и полное исчезновение авар из истории после разгрома франками Аварского каганата (Pohl 1988: 327—328). Маловероятно, что славяне были экономически значительно сильнее тех, кого они ассимилировали. На некоторых территориях и в определенные периоды славяне действительно имели политическое и военное превосходство. Важно подчеркнуть и мощный потенциал их духовной культуры (Belaj 2007; Katičić 2008; 2010; 2011; Pleterski 2014). Это сказалось, в частности, при контакте с обнищавшим населением бывшей Римской империи, у которого сознание римского гражданства заменило ощущение принадлежности к небольшому сообществу. Это сознание со временем стало преобладающим, хотя и не касалось несво-

бодного населения. Кроме того, христианство, с его универсализмом, способствовало разрушению старых духовных связей между людьми и окружающей средой. В частые моменты бедствий значительное число людей могло решить, что христианский бог, очевидно, не способствует их процветанию. При этом ненарушенный архаичный славянский образ жизни, как казалось, позволявший при помощи магии воздействовать на природу и людей, выглядел привлекательным для решения жизненных проблем.

Византийское военное руководство «Стратегикон» конца VI в. отмечает, что славяне не практиковали постоянного рабства, как это делали другие народы. Однако славяне после определенного периода времени жизни у них пленника дают ему выбор: возвратиться на родину за небольшую плату или остаться уже как свободный человек и друг (Strategikon, XI, 4, 4). Это интерпретируется по-разному в дискуссии о существовании или нет военной демократии у славян (Curta 2001: 312—318). Для нашей темы это сообщение важно, поскольку демонстрирует свободное и дружественное сосуществование славян и чужаков в локальных славянских сообществах. Известно, как минимум, два варианта развития событий. Один иллюстрирует пример людей, взятых в плен на Балканах до ок. 680 г., из которых на юге Паннонии, контролируемой аварами, сложилась особая группа под именем Sermesianoi (Pohl 1988: 217—218; Werner 1989: 19—23). Нечто подобное происходило и на славянских территориях, значительно способствуя сосуществованию славян, например, с влахами. Однако, наверное, даже более интересным является другой вариант — полная интеграция в славянскую общину, то есть решение стать славянином.

Основными политическими единицами, в которых славяне решали жизненные вопросы, были жупы (см. ниже), так что стать славянами означало интегрироваться в сообщество жупы. Несомненно, что этот процесс был разновидностью правового акта. Что это был за акт, можно заключить из рассмотрения его последствий (Wirkungsgeschichte).

Это хорошо документировано для жупы Полица в Далмации — в горных землях близ Сплита (современная Хорватия). Жизнь в жупе Полица регулировалась специальным законом Полицы, который содержит многочисленные реликты, сохранившиеся с очень древних времен. Этот закон как «Полицкий статут» был записан в 1322 г. Сохранившийся манускрипт, датированный 1515 г., является

редакцией «Статута» 1485 г., восходящей, конечно, к более ранним редакциям (Pera 1988: 403—410).

Здесь кратко остановимся на мине «вервь», упомянутом в «Статуте». Он встречается и в древнерусском своде «Русская Правда» XI в. Там он означает единицу социально-территориальной организации, в то время как Мирослав Пера считает, что для Полицы вервь означает тип родственных отношений, который должен быть древнее, чем территориальный контекст верви в «Русской Правде» (Pera 1988: 544). Термин вервь в «Полицком статуте» также проанализировал Михо Барада и пришел к выводу, что вервь связана не с кровным родством, а представляет собой пережиток со времен миграции славян. Слово вервь семантически развивалось от предмета, который использовался для измерения общинной земли, позже стало названием способа измерения земли, в итоге термин стал абстрактным понятием для «идеального права» на такие земли (Barada 1957: 23—33). Интерпретацию, которая, в сущности, соединяет оба значения, дал Ярослав Владимирович Баран, добавив и археологические материалы. При изучении раннеславянского поселения второй половины VII — начала IX вв. Рашков I (ныне Черновицкая обл. Украины) этот исследователь обратил внимание на регулярность в планировке: некоторые дома располагались по прямой линии, что отмечено и на ряде других поселений. Я.В. Баран нашел объяснение для верви из «Русской Правды» и «Полицкого статута», придя к выводу, что таким образом выстраивалось символическое пространство родственных связей, когда с помощью веревки устанавливалась линия, соединявшая близкородственные семьи и их жилища (Баран 1992; 1997). Это может означать, что слово вервь имеет три значения: социальное, территориальное и веревки как предмета.

Исходя из характера использования слова вервь в «Полицком статуте» (Pleterski 2013с: 28), можно заключить, что как братья по крови имели неразрывную связь с матерью, давшей им жизнь (пуповину), так и «веревочные братья» связаны веревкой с Матерью-Землей, которая дала им жизнь. Славяне, как показано Я.В. Бараном, мерили свои земли при помощи веревки. Все, кто, делая это, вместе держали веревку, становились «веревочными братьями». Это был правовой акт, по которому чужаков включали в сообщество на равных правах, не зависимо от их кровного происхождения. Таким образом, они становились славянами.

Изменения образа жизни

Узкие и высокие горшки пражского типа своей формой соответствуют термальной эффективности при приготовлении пищи в печах, имеющих отверстие сверху. Хороши для этого и сковороды. Поэтому они были естественным компонентом кухонной культуры древних славян. К югу от Дуная славяне под влиянием местной кухонной культуры начали использовать открытый очаг и на Балканах иногда полностью отказывались от печей. Горшки неизбежно становились шире, ниже, что оптимизировало их термальную эффективность для открытого очага. В то же время на кухне у славян появились котлы, блюда, крышки, которые ранее не использовались (рис. 4).

Местное население (влахи) еще в VI в. владело навыками обжига извести и строило каменные стены на растворе. Однако в условиях полного распада старой экономической системы увеличивалась доля конструкций из дерева и камня, сложенного насухо. Славяне к югу от Дуная должны были приспосабливаться и к различным грунтам. Появились наземные постройки, лишь часть от которых была заглублена. Поэтому при раскопках на поселениях в предгорьях Альп фиксируются лишь группы мелких ям нерегулярной формы, и невозможно идентифицировать их назначение или реконструировать внешний вид всей постройки. В Альпах на северо-западе Словении, в Пристава-в-Бледе, где в VII в. жили бок о бок славяне и влахи, отмечено и два типа жилищ (Pleterski 2008a: 122—126; 2010а: 167—169). Первый — прямоугольное помещение с очагом посередине, с полом, который был поднят над грунтом, что создавало сухой участок под домом (рис. 5). Второй такое же по размерам прямоугольное строение с очагом в углу и деревянными скамейками вдоль стен (рис. 6). Первый тип может быть отнесен к влашской архитектурной традиции в Альпах, сохранившейся до сих пор (рис. 7), второй — к славянской.

Известны и биритуальные могильники, где в VII в. между трупоположениями встречаются группы погребений по обряду кремации (рис. 8). Это указывает на изменение погребальных обрядов. Местное влашское население в период расселения славян хоронило умерших несожженными. Также есть несколько примеров кремационных погребений, датированных с VI по VIII вв., которые могут быть связаны со славянами (Pleterski 2008с), полностью не отказавшимися от кремирования тел вплоть до конца VIII в. Чем вы-

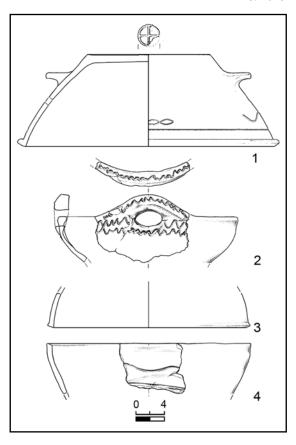

Рис. 4. Капуцинский сад, Копер, крышка для запекания (1); Ратече, котел (2); Пристава-в-Бледе, блюдо с крышкой (3, 4); Словения (по Pleterski 2008b: sl. 1: 4).

Fig. 4. Kapucinski vrt, Koper, a baking lid (1); Rateče, a kettle (2); Pristava in Bled, a dish with a lid (3, 4); Slovenia (after Pleterski 2008b: sl. 1: 4).

званы изменения в погребальном обряде, все еще не ясно, но не христианизацией, поскольку этот процесс начался несколько ранее.

Кремационные погребения составляли маленькие кладбища, а часто были одиночными, как, например, урна VII в. в Ново-Место (Belak 2014). Это погребение интересно потому, что оно впускное в значительно более древний курган (рис. 9). Связь кремационных погребений с естественными или искусственными насыпями, так же, как позже захоронений по обряду ингумации, указывает на символическое значение гор в мифологии славян.

Социальная организация

Общеславянская лексика для описания социально стратифицированного общества очень незначительна. Слово gospod с первоначальным значением «владыка гостей» или «владыка пира», имеет сильный сакральный оттенок (Škrubej 2002: 144—148), и его трансформация в «светском» контексте до сих пор

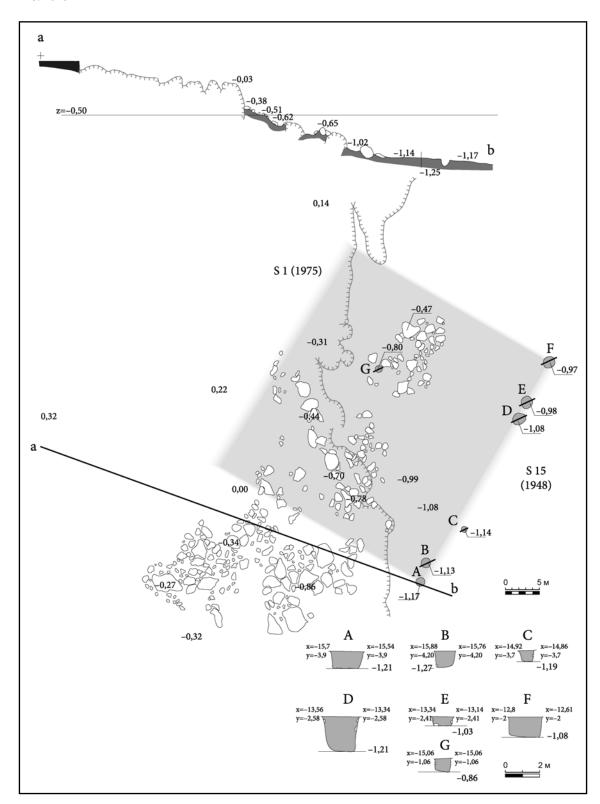

Рис. 5. Пристава-в-Бледе, Словения. Остатки влашской постройки (по Pleterski 2008a: sl. 5.5).

Fig. 5. Pristava in Bled, Slovenia. Debris of a Vlach structure (after Pleterski 2008a: sl. 5.5).

во многом неясна. Слово *oblast*, означающее управление или то, чем управляют, общеславянское, с большой семантической ста-

праславянское *vojevoda первоначально означало того, кто возглавляет армию (Snoj 1997: 725). Тем не менее, князь, праславянбильностью (Škrubej 2002: 126—130). Также ское *kъnęпъд, уже заимствовано и проис-

Рис. 6. Пристава-в-Бледе, Словения. Остатки славянской постройки (по Pleterski 2008a: sl. 5.6).

Fig. 6. Pristava in Bled, Slovenia. Debris of a Slavic structure (after Pleterski 2008a: sl. 5.6).

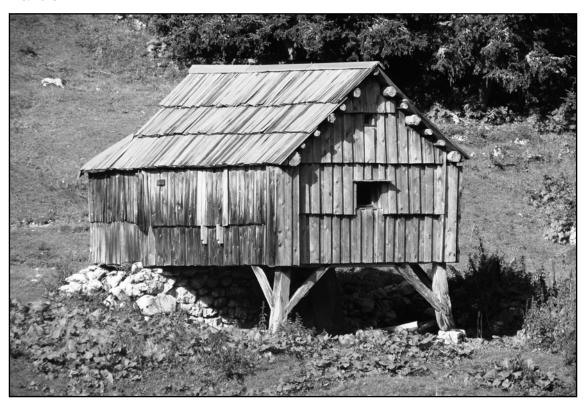

Рис. 7. Бохиня, Словения. Постройка пастуха.

Fig. 7. Bohinj, Slovenia. Shepherd's hut.

ходит от германского *kuningaz — вождь (Snoj 1997: 241). Таким образом, праславянская политическая иерархия заканчивалась на уровне жупана. Праславянское *žирапъ происходит от *župa, означавшего район, территорию племени, и, возможно, восходит к индоевропейскому $*gewp\bar{a}$ — «полый, впадина» (Snoj 1997: 767). Таким образом, жупа означала относительно небольшую территориальную единицу, включавшую отдельные деревни и возглавляемую жупаном. Последний мог быть ee gospod, vojvoda и иметь *oblast*. Итак, можно предположить, что отдельные жупы были базовыми политическими единицами раннеславянского мира. Жупа может иметь параллели с греческим polis, римским civitas, gau германских народов или кельтским oppidum. В их рамках люди реализовывали свою правовую идентичность — то, что мы сегодня назвали бы гражданством. Прежняя точка зрения о том, что славяне восприняли институт жупы у авар, отвергнута (Gluhak 1993: 713—714; Snoj 1997: 767; Rejzek 2001: 752; Długosz-Kurczabowa 2008: 481; Smiljanić 2010: 14). Главы жуп — жупаны, начинают упоминаться в письменных источниках только с 777 г., когда жупа начала интегрироваться в феодальную систему. После этого термин «жупа» приобрел различные значе-

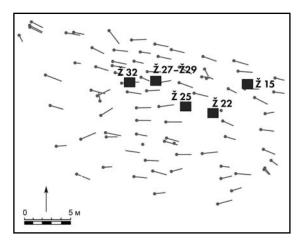

Рис. 8. Пристава-в-Бледе, Словения. Участок могильника с погребениями по обряду кремации (по Pleterski 2008c: sl. 3).

Fig. 8. Pristava in Bled, Slovenia. An area of the cemetery with cremation graves (after Pleterski 2008c: sl. 3).

ния в разных местах и в разные периоды времени (Hardt 1998; Smiljanić 2010: 13—72).

Жупы имели одинаковую структуру, сходные язык, право, обычаи и ритуалы. Из всего этого у авторов, описывающих славян, складывалось впечатление о славянском единстве. Несмотря на такое впечатление, сла-

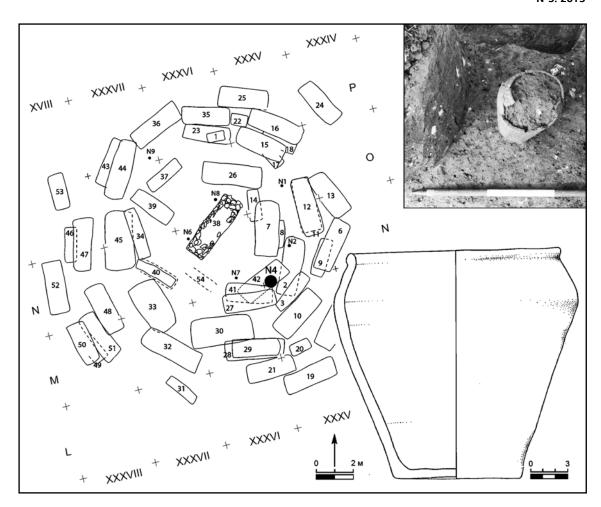

Рис. 9. Капительска-нива, Ново-Место, Словения. Погребение по обряду кремации, впущенное в курган преисторической эпохи (по Belak 2014: Fig. 2; 3).

Fig. 9. Kapiteljska njiva, Novo Mesto, Slovenia. A secondary grave dug in a prehistoric mound, with cremation (after Belak 2014: Fig. 2; 3).

вяне никогда не были однородной массой в лучшем случае, они были совокупностью во многом одинаковых составных элементов. Если уместно использовать здесь математическую метафору, то они были «фрактальным обществом». Эта метафора сравнивает жупы с фракталами не только потому, что жупы были одинаково структурированы, но и потому, что на уровне отдельной жупы можно наблюдать то же самое, что и на уровне объединения отдельных жуп в более крупные территориальные формирования. Язык ритуала, который, согласно древней языческой вере, фиксировал важнейшие функции сил природы и поэтому позволял выживать населению жупы, конечно, был славянским. В этом смысле он был неотъемлемой составной частью всеохватывающей системы жизни, т.е. производства, домостроительства, материальной и духовной культуры. Это позволяет выдвинуть тезис, что быть включенным в сообщество жупы значило быть славянином.

Жупа Блед

До сих пор не удавалось изучить происхождение раннесредневековых жуп. Исследования микрорегиона Бледа позволили воссоздать картину зарождения и развития конкретной раннесредневековой славянской жупы и таким образом дать представление о других жупах (Pleterski 2013a). Это дает возможность посмотреть на некоторые вопросы под новым углом зрения. Так, по утверждению византийского писателя Прокопия, славяне и анты в VI в. часто меняли места обитания (Procopii. De bello Gothico, III, 14). Из этого утверждения можно сделать несколько выводов: их пахотные земли не были постоянными; их сельское хозяйство базировалось на подсечно-огневом земледелии, которое довольно быстро истощало землю, и поэтому их поселения были непостоянными (Grafenauer 1970: 234—240; Krawarik 2006: 114; Biermann 2010: 284). В жупе Блед

картина иная. Судя по всему, начало постоянного раздела пахотных земель в Бледе совпадает с новыми условиями, принесенными в VII в. славянами. При этом, в Приставав-Бледе непрерывность функционирования поселения от VII до X века доказана археологически (Pleterski 2010: 165—176). Данный вывод, конечно, требует переосмысления оценок характера и уровня земледелия на других землях, заселенных славянами, в т.ч. вопроса о разделе пахотных земель и индивидуальной собственности на земельные участки, как и идеи о самостоятельном развитии социальной стратификации. Это связано и с проблемой (во многих отношениях открытой) зарождения государственности у славян. Во всем этом жупа Блед может быть полезной интерпретационной моделью. Необходимость пересмотра интерпретаций связана и с изучением таких, раскопанных на огромной площади, поселений, как Рашков I и Ростоки (близ Праги в Чешской Республике). Первое из них находилось на одном месте около двух столетий (Баран 1997: 176), второе — столетие (Profantová 2005: 214; Kuna et al. 2013: 129). Это не соответствует тезису об отсутствии постоянных поселений у славян в интересующее нас время.

Возникает вопрос: как же согласовать данные о разделе земель и стабильном существовании поселения в Бледе с информацией Прокопия? Уже Бого Графенауэр высказал предположение, что в Восточных Альпах общий дефицит пахотных земель и наличие местного населения (влахов) ускорили развитие аграрной культуры славян (Grafenauer 1970: 239). История жупы Блед не только подтверждает правильность этого мнения, но и позволяет полагать, что это могло произойти очень быстро, возможно, даже сразу. Относительно ограниченная сельскохозяйственная территория требовала стабильной обработки земли, которая была у влахов. Славяне же, которых описывает Прокопий, жили на Нижнедунайской равнине, где окружающая среда очень отличалась от Альп.

Первые славяне к востоку от Альп

Вопрос о том, когда в окрестностях Альп появляются первые славяне, мы рассматриваем последним, потому что лишь недавно стало возможным сформулировать совершенно новый взгляд на славянское расселение в этих местах. На нынешнем этапе исследования это, конечно, скорее гипотеза, базирующая-

ся на ряде наблюдений, нежели неопровержимый факт. Уже Любор Нидерле высказывался об очень раннем появлении в Подунавье отдельных групп славян, еще до V и VI вв. (Niederle 1906: 133—161). Его аргументы не основывались на данных археологии и считались ненадежными. Господствовало представление о времени ухода лангобардов в Италию (568 г.) в качестве terminus post quem для датировки славянской миграции к западу от Среднего Дуная.

Серьезные сомнения относительно этого мнения посеяла Даша Павлович, открывшая новые перспективы исследований, когда выделила две даты ¹⁴С для находок (рис. 10) с поселения Нова-Табла близ Мурска-Соботы (Прекмурье, северо-восток Словении), где верхними калиброванными датами (95,4% надежности) являются 547 г. (яма SZ6) и 543 г. (яма SO149A) (Pavlovič 2013: Fig. 76; теперь вновь откалиброваны при помощи программы OxCal 4.2). Исследовательница осознавала проблемы, возникающие при интерпретации столь ранних дат, но не стремилась к их устранению под предлогом более ранней даты лишь для образцов древесного угля. Она видела объяснение в контексте расселения лангобардов в Паннонии, ограничившимся на юго-западе у юго-западных окраин озера Балатон. До сих пор в Прекмурье не были известны находки VI в., а для лангобардов не было характерно оставить незаселенным такой регион. Поэтому логично объяснение, что они столкнулись здесь со славянским населением, т.е. славяне были здесь уже до лангобардов (Pavlovič 2013: 233—236). Другой вариант — славяне поселились здесь одновременно с лангобардами и по соглашению с ними — выглядит менее вероятным (см. ниже). Хотя границы лангобардских земель, безусловно, должны рассматриваться в целом в контексте границ между германцами и ромеями Паннонии, гипотеза Д. Павлович важна, поскольку она начала разрушение широко распространенного научного мифа о связи расселения славян с аварами, сменившими в Паннонии лангобардов и подчинивших гепидов. Ее наблюдения подтверждаются датировкой с помощью ¹⁴С древесного угля из ямы SE095 на поселении Под-котом недалеко от Нова-Таблы. Верхняя калиброванная дата — 535 год. Заполнение ямы происходило в течение долгого времени, в т.ч. и в VII веке, но отметим среди находок горшок (рис. 11), подобный упомянутой выше керамике из Нова-Таблы (Savel 2009: 157—158, 254—261; Pleterski 2010a: 88—90).

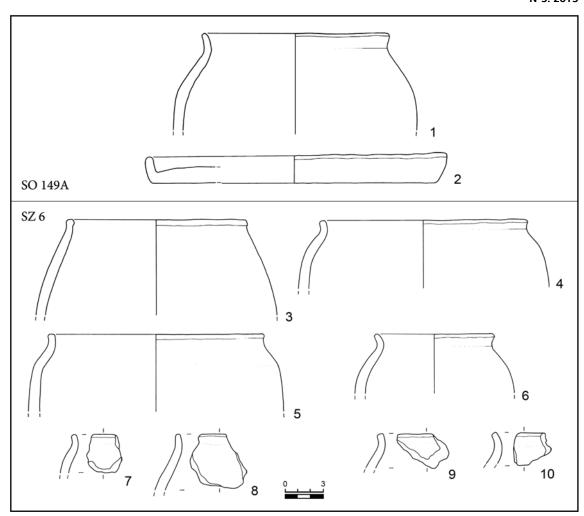

Рис. 10. Нова-Табла, Мурска-Собота, Словения. Сосуды из ям SZ6 и SO149A (по Pavlovič 2013: 516, 579).

Fig. 10. Nova Tabla, Murska Sobota, Slovenia. Vessels from settlement pits SZ6 and SO149A (after Pavlovič 2013: 516, 579).

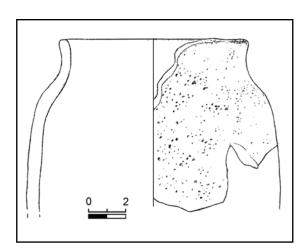

Рис. 11. Под-котом — юг, Мурска-Собота, Словения. Горшок из ямы SE095 (по Šavel 2009: II, 251: 520).

Fig. 11. Pod kotom — jug, Murska Sobota, Slovenia. A pot from pit SE095. (after Šavel 2009: II, 251: 520).

В свете ранних дат для славянского расселения в Прекмурье, обращают на себя внимание еще два наблюдения. Первое связано со стихотворением, посвященным св. Мартину Турскому (хотя он получил прозвище от г. Тур в Галлии, родился в Паннонии, в г. Саварии (совр. Сомбатхей)), написаном в 558 г. в монастыре Думио возле г. Брага (Португалия) местным епископом Мартином, который также был уроженцем Паннонии (хотя позже получил прозвище по Браге). В стихотворении присутствует анахроничное перечисление различных народов, которые должны были быть христианизированы св. Мартином Турским. Это означает, что Мартин из Браги описал ситуацию, которую он знал в период своей юности в Паннонии в 1-й трети VI в. В этот список, наряду с другими народами, вошли и славяне (Šašel 1976; Bratož 2014: 398—399, 485—486). Их упоминание, одно

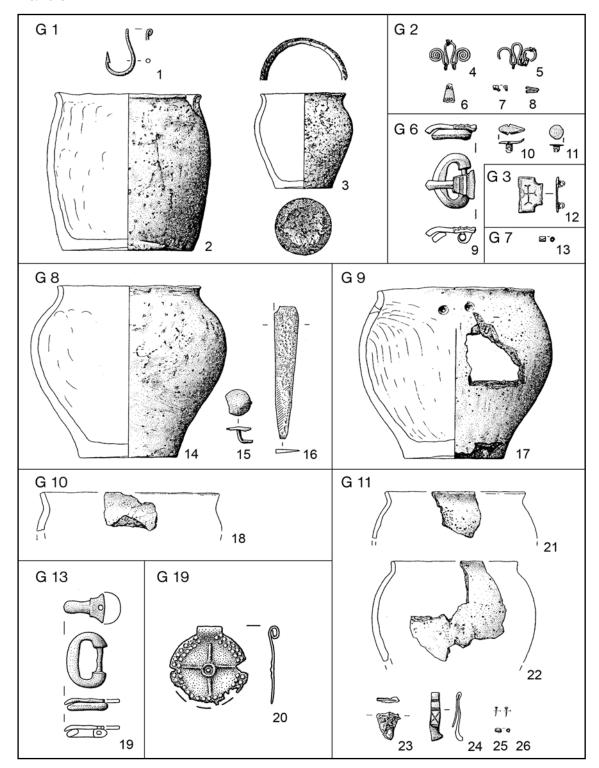

Рис. 12. Гросспрюфенинг, Регенсбург, Германия. Находки из погребений (по Eichinger, Losert 2004: Abb. 113, 114; Losert 2007—2008: Abb. 7, 8).

Fig. 12. Großprüfening, Regensburg, Germany. Objects from graves (after Eichinger, Losert 2004: Abb. 113, 114; Losert 2007—2008: Abb. 7, 8).

из самых ранних, вызывало некоторое удивление, но так как есть соответствующий этому контекст на бывшей территории Империи, то теперь, скорее всего, стоит думать, что речь

идет о славянах в регионе Прекмурья и по соседству, чем о славянах к северу от Дуная. Стихотворение не упоминает о лангобардах, что соответствует вышеупомянутому мнению о том, что славянские поселения на интересующих нас землях древнее, чем лангобардские в соседних землях Паннонии.

Второе, на что мы сейчас должны обратить внимание, так это слово *golčěti (говорить), которое указывает на существование определенной праславянской диалектной группы. Сейчас это слово встречается в России, в Прекмурье и окрестностях, в некоторых областях Болгарии, а попасть в столь разные регионы могло во время древнейших славянских миграций (Schallert, Greenberg 2007: 20, 64 и др.). Мы не знаем, где была изначальная территория этой праславянской диалектной группы; неизвестны и пути ее проникновения на Балканы и в Паннонию. Как бы то ни было, с Прекмурьем связан и специфический лингвистический архаизм.

В контекст возможных «доаварских» славянских поселений входит также кремационный могильник Гросспрюфенинг в Регенсбурге (Бавария) к югу от Дуная. По металлическим предметам (рис. 12) он хорошо датирован серединой VI — 1-й половиной VII вв. (Eichinger, Losert 2004; Losert 2007—2008: 317—323; 2011). На основе датировки ме-

тодом ¹⁴С образцов из погр. 12 верхний предел калиброванной датировки (95,4% надежности) это 546 г., и по образцам из погр. 20 этот предел с такой же надежностью определен как 569 г. (Losert 2011: 489). В VI в. это кладбище могло быть создано только с ведома и согласия баюваров из Регенсбурга, что свидетельствует о гармоничных отношениях местных баюваров и славян. Также это подтверждает идею Нидерле о ранних «островах» славянских поселений в Подунавье. Славянское расселение нет оснований рассматривать как единую волну, затопившую всё в пределах ее досягаемости. Оно было более похоже на постепенное, но очень упорное перемещение и расселение малых групп. Если первые славяне в Прекмурье были уже в 1-й половине VI в., то древнейшие кремационные погребения в Восточноальпийской области относятся к VII в., а в глубине Истрии славяне появляются только к концу VIII в. (Marušić 1987; Pleterski 2005: 136—140). Это может рассматриваться как свидетельство, что славянское расселение в Восточных Альпах и у их периферии продолжалось почти три столетия.

Литература

- Баран Я.В. 1992. Слов'янська общчина (за матеріалами поселення Рашків I). Дис. ... канд. іст. наук. Київ.
- Баран Я.В. 1997. Слов'янська общчина (за матеріалами поселення Рашків І). В: Баран В.Д. (ред.). Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Збірник наукових статей, присвячений 100-річчю з дня народження Віктора Платоновича Петрова. Київ; Львів: Інст. україн. ім. І. Крип'якевича НАН України, 176—183.
- Плетерский А. 2008. O The Making of the Slavs изнутри. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования 4 (2), 33—36.
- Плетерский А. 2012. Становление славянской государственности в восточных Альпах. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana = Петербургские славянские и балканские исследования 12 (2), 189—216.
- Топоров В. Н. 1998. Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции. Введение к курсу истории славянских литератур. Москва: РГГУ.
- Barada M. 1957. *Starohrvatska seoska zajednica*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
- Barford P.M. 2001. The Early Slavs. Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe. London: Cornell University Press.
- Belaj V. 2007. Hod kroz godinu. Pokušaj rekonstrukcije prahrvatskoga mitskoga svjetonazora. Zagreb: Golden marketing-Tehnička knjiga.
- Belak M. 2014. Staroslovanski žarni grob s Kapiteljske njive v Novem mestu = Early Medieval cremation grave from Kapiteljska njiva in Novo mesto, Slovenia. In: Tecco Hvala S. (ed.). *Studia praehistorica in honorem Janez Dular*. Opera Instituti archaeologici

- Sloveniae 30. Ljubljana: Založba ZRC, 397—403.
- Bratož R. 2014. *Med Italijo in Ilirikom. Slovenski prostor in njegovo sosedstvo v pozni antiki.* Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, Zveza zgodovinskih društev Slovenije, Slovenska akademija znanosti in umetnosti.
- Bratulić J. 1994. *Aleja glagoljaša Roč Hum.* Zagreb; Pazin; Roč: Znamen, Istarsko književno društvo Juraj Dobrila, Katedra Čakavskog sabora Roč.
- Curta F. 2001. *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500—700.* Cambridge: University Press.
- Curta F. 2008. Utváření Slovanů (se zvláštním zřetelem k Čechám a Moravě). Archeologické rozhledy 60 (4), 643—694.
- Curta F. 2010. The early Slavs in the northern and eastern Adriatic region. A critical approach. *Archeologia Medievale* 37, 307—329.
- Curta F. 2010a. Etnicitet u ranosrednjovjekovnoj arheologiji: Primjer ranoslavenskih nalaza u jadranskoj regiji. Starohrvatska prosvjeta 37 (III), 17—48.
- Długosz-Kurczabowa K. 2008. Wielki słownik etymologiczno-historyczny języka polskiego. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Dzino D. 2008. "Becoming Slav", "becoming Croat": new approaches in the research of identities in post-Roman Illyricum. Hortus artium medievalium 14, 195—206.
- Dzino D. 2009. Novi pristupi izučavanja ranog hrvatskog identiteta. Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu 41, 33—54
- Eichinger W., Losert H. 2004. Ein merowingerzeitliches Brandgräberfeld östlich-donauländischer Prägung

- bei Großprüfening. Das archäologische Jahr in Bayern 2003, 98—101.
- Gluhak A. 1993. *Hrvatski etimološki rječnik*. Zagreb: August Cesarec.
- Grafenauer B. 1970. Poljedelski obdelovalni načini. *Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev, Zgodovina agrarnih panog*, I. zvezek. *Agrarno gospodarstvo*. Ljubljana: SAZU, 225—250.
- Hardt M. 1998. Supan. *Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte* V. Berlin, 84—88.
- Hrobat K. 2003. Šembilja na rimskih cestah. O ustnem izročilu in arheoloških raziskavah. Ljubljana: Diplomsko delo, Oddelek za arheologijo, Filozofska fakulteta, Univerza v Ljubljani.
- Hrobat K. 2010. *Ko Baba dvigne krilo. Prostor in čas v folklori Krasa*. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
- Katičić R. 2008. *Božanski boj. Tragovima svetih pjesama* naše pretkršćanske starine. Zagreb; Mošćenička Draga: Ibis grafika, Katedra Čakavskog sabora Općine Mošćenička Draga, Odsjek za etnologiju i kulturnu antropologiju Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu.
- Katičić R. 2010. Zeleni lug. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine. Zagreb; Mošćenička Draga: Ibis grafika, Matica hrvatska Katedra Čakavskog sabora Općine Mošćenička Draga.
- Katičić R. 2011. Gazdarica na vratima. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine. Zagreb; Mošćenička Draga: Ibis grafika, Matica hrvatska Katedra Čakavskog sabora Općine Mošćenička Draga.
- Knific T. 1979. Vranje pri Sevnici. Drobne najdbe z Ajdovskega gradca (leto 1974). Arheološki vestnik 30, 732—786.
- Knific T. 1994. Vranje near Sevnica. A Late Roman Settlement in the Light of Certain Pottery Finds. Arheološki vestnik 45, 211—237.
- Kos M. 1939. Vlahi in vlaška imena med Slovenci. Glasnik Muzejskega društva za Slovenijo 20, 226—235.
- Kuna et al. 2013: Kuna M., Hajnalová M., Kovačiková L., Lisá L., Novák J., Bureš M., Cílek V., Hošek J., Kočár P., Majer A., Makowiecki D., Scott Cummings L., Sůvová L., Světlík I., Vandenberghe D., Van Nieuland J., Yost C.L., Zabilska-Kunek M. 2013. Raně středověký areál v Roztokách z pohledu ekofaktů. Památky archeologické 104, 59—147.
- Kurnatowski S. 1979. Demographische Aspekte hinsichtlich slawischer Migrationen im 1. Jahrtausend. In: Chropovský B. (ed.). *Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave*. Bratislava, 7—14 septembre 1975. T. 1. Bratislava: Veda, 453—475.
- Losert H. 2007—2008. Slawen in der Oberpfalz eine Bestandsaufnahme. *Acta archaeologica Carpathica* 42—43, 301—370.
- Losert H. 2011. Das Brandgräberfeld von Regensburg-Großprüfening und die frühen Slawen in Pannonien. In Gedenken an Marek Dulinicz, Warschau († 2010). In: Heinrich-Tamáska O. (ed.). Keszthely-Fenékpuszta im Kontext spätantiker Kontinuitätsforschung zwischen Noricum und Moesia. Castellum Pannonicum Pelsonense. Bd. 2. Budapest; Leipzig; Keszthely; Rahden (Westf.): Verlag Marie Leidorf GmbH, 475—489.
- Lošek F. 1997. *Die Conversio Bagoariorum et Carantanorum und der Brief des Erzbischofs Theotmar von Salzburg.* Monumenta Germaniae Historica, Studien und Texte 15. Hannover: Hahnsche Buchhandlung.
- Marušić B. 1987. Starohrvatska nekropola u Žminju. Histria

- archaeologica 1. Pula: Arheološki muzej Istre.
- Modrijan Z. 2011. Keramika. In: Modrijan Z., Milavec T. (eds.). Poznoantična utrjena naselbina Tonovcov grad pri Kobaridu. Najdbe. Opera Instituti Archaeologici Sloveniae 24. Ljubljana: Založba ZRC, 121—219
- Muschal B. 2002. Ein slawisches Brandgräberfeld in Lauriacum/Enns, Oberösterreich. *Beiträge zur Mittelalterarchäologie in Österreich* 18, 153—163.
- Niederle L. 1906. *Původ a počátky Slovanů jižních. Svazek I.* Slovanské starožitnosti II (1). Praha: Bursík & Kohout.
- Pavlovič D. 2013. Zgodnjesrednjeveška poselitev severovzhodne Slovenije. Primer najdišča Nova Tabla pri Murski Soboti. Koper: Doktorska disertacija, Univerza na Primorskem.
- Pera M. 1988. *Poljički statut*. Splitski književni krug, Svjedočanstva 9. Split: Književni krug.
- Pleterski A. 1998. Lepi, grdi, zli: o metodah, Liburniji, Karantaniji, vojvodskem stolu, Konverziji in Brižinskih spomenikih. *Zgodovinski časopis* 52, 215—277.
- Pleterski A. 2003. Struktur des Gräberfeldes Altenerding. In: Losert H., Pleterski A. (eds.). Altenerding in Oberbayern. Struktur des frühmittelalterlichen Gräberfeldes und "Ethnogenese" der Bajuwaren. Berlin; Bamberg; Ljubljana: Scribvaz Verlag, Založba ZRC, 505—684.
- Pleterski A. 2005. De Sclavis autem unde dicitis. Slovani in Vlahi na "nikogaršnjem" ozemlju istrskega zaledja. *Acta Histriae* 13, 113—150.
- Pleterski A. 2006. Police na Tolminskem prva "ciganska" vas na Slovenskem? In: Jerše S., Mihelič D., Štih P. (eds.). *Med srednjo Evropo in Sredozemljem: Vojetov zbornik*. Ljubljana: Založba ZRC, 33—45.
- Pleterski A. 2008a. Zgodnjesrednjeveška naselbina na Blejski Pristavi. Najdbe = Frühmittelalterliche Siedlung Pristava in Bled. Funde. Opera Instituti archaeologici Sloveniae 14. Ljubljana: Založba ZRC.
- Pleterski A. 2008b. *Kuhinjska kultura v zgodnjem srednjem veku = Küchenkultur im Frühen Mittelalter*. Ljubljana: Založba ZRC.
- Pleterski A. 2008c. Zgodnjesrednjeveški žgani grobovi v vzhodnih Alpah. In: Steinkaluber U. (ed.). *Frühmittelalterarchäologie in der Steiermark. Beiträge eines Fachgesprächs anlässlich des 65. Geburtstags von Diether Kramer.* (Schild von Steier, Beiheft, 4). Graz: Landesmuseum Joanneum, 33—39.
- Pleterski A. 2010a. Zgodnjesrednjeveška naselbina na blejski Pristavi. Tafonomija, predmeti in čas. = Frühmittelalterliche Siedlung Pristava in Bled. Taphonomie, Fungegenstände und zeitliche Einordnung. Opera Instituti archaeologici Sloveniae 19. Ljubljana: Založba ZRC.
- Pleterski A. 2010b. Datiranje zgodnjesrednjeveške naselbine Lehen pri Mitterkirchnu v Zgornji Avstriji kot kontrola nove datacijske metode s pomočjo referenčne tabele in korelacijske formule ustij loncev. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu* 43, 309—324.
- Pleterski A. 2013a. *The invisible Slavs*. *Župa Bled in the prehistoric Early Middle Ages*. Opera Instituti archaeologici Sloveniae 28. Ljubljana: Založba ZRC.
- Pleterski A. 2013b. Slované a Vlaši u bran Itálie v souvislosti s etnogenezí Slovanů. *Archeologické rozhledy* 65, 618—641.
- Pleterski A. 2013c. Etnogeneza Slavena metode i proces. *Starohrvatska prosvjeta* III/40, 7—32.
- Pleterski A. 2014. *Kulturni genom. Prostor in njegovi ideogrami mitične zgodbe*. Studia mythologica Slavica Supplementa 10. Ljubljana: Založba ZRC.

- Pohl W. 1988. *Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa* 567—822 n. Chr. München: C. H. Beck.
- Popowska-Taborska H. 2005. *Zgodnja zgodovina Slovanov v luči njihovega jezika*. Ljubljana: Založba ZRC.
- Profantová N. 2005. Chronologie osídlení areálu v historických souvislostech. In: Počátky raného středověku v Čechách. Archeologický výzkum sídelní aglomerace kultury pražského typu v Roztokách. = The onset of the Early Middle Ages in Bohemia. Archaeological research at a large settlement siet of the Prague-type culture at Roztoky. Praha: Archeologický ústav AV ČR, 208—225.
- Rejzek J. 2001. Český etymologický slovník. Voznice: Leda. Schallert J., Greenberg M.L. 2007. The Prehistory and Areal Distribution of Slavic *golčěti 'Speak'. Slovenski jezik Slovene Linguistic Studies 6, 9—76.
- Schnizer A. 1997. *Die Karantanenmission ein Rekonstruktionsversuch*. Diplomarbeit. Wien: Universität Wien, Katholisch-Theologische Fakultät.
- Smiljanić F. 2010. Studije o srednjovjekovnim slavenskim/hrvatskim institucijama. Posebna izdanja Odjela za povijest Sveučilišta u Zadru, Knjiga 3. Zadar: Sveučilište u Zadru, Odjel za povijest.
- Snoj M. 1997. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Založba Mladinska knjiga.
- Sokol V. 2011. Drugo shvaćanje hrvatskog identiteta. *Radovi* Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu 43, 459—474.
- Sułkowski Z.1985. Allochtoniści i autochtoniści. *Z otchłani* wiekow 51, 107—115.
- Šašel J. 1976. Omemba Slovanov v pesmi Martina iz Brage na Portugalskem. *Kronika* 24, 151—158.
- Šavel I. 2009. *Pod Kotom* jug pri Krogu. Arheologija na avtocestah Slovenije 7. Ljubljana: Zavod za varstvo

- kulturne dediščine Slovenije.
- Škrubej K. 2002. Ritus gentis Slovanov v vzhodnih Alpah. Model rekonstrukcije pravnih razmerij na podlagi najstarejšega jezikovnega gradiva. Ljubljana: Založba ZRC.
- Štih P. 2011. Slovansko, alpskoslovansko ali slovensko? O jeziku slovanskih prebivalcev prostora med Donavo in Jadranom v srednjem veku (pogled zgodovinarja). *Zgodovinski časopis* 65, 8—51.
- Toporov V.N. 2002. *Predzgodovina književnosti pri Slova*nih, poskus rekonstrukcije. Zupaničeva knjižnica 9. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, Oddelek za etnologijo in kulturno antropologijo.
- Tovornik V. 1984. Erstfund einer frühmittelalterlichen Siedlung in Lehen bei Mitterkirchen, Pol. Bez. Perg, OÖ. *Jahrbuch des Oberösterreichischen Musealvereines* 129, 131—145.
- Vansina J. 1985. *Oral tradition as history*. London: Currey; Nairobi: Heinemann Kenya.
- Werner J. 1989. *Der Schatzfund von Vrap in Albanien*. Studien zur Archäologie der Awaren 2. Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Denkschriften 184. Wien: ÖAW.
- Wolfram H. 2012. Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weißbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien. Herausgegeben, übersetzt, kommentiert und um die Epistola Theotmari wie um Gesammelte Schriften zum Thema ergänzt von Herwig Wolfram. Dela I. razreda Slovenske akademije znanosti in umetnosti 38; Zbirka Zgodovinskega časopisa 44. Ljubljana (Laibach): Slovenska akademija znanosti in umetnosti; Zveza zgodovinskih društev Slovenije.

References

- Baran, Ya.V. 1992. Slov'yans'ka obshchchyna (za materialamy poselennya Rashkiv I) (Slavic Village Community (based on the materials from Rashkiv I settlement). PhD Thesis. Kiev (in Ukrainian).
- Baran, Ya.V. 1997. In Problemy pokhodzhennya ta istorychnoho rozvytku slov'yan (Issues of Origin and Historical Development of Slavs). Kiev; Lviv: Rescue Archaeological Service Institute for Ukrainian Studies named after I. Kryp'yakevych, 176—183 (in Ukrainian).
- Pleterski, A. 2008. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolita*na 4 (2), 33—36 (in Russian).
- Pleterski, A. 2012. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 12 (2), 189—216 (in Russian).
- Toporov, V.N. 1998. Predystoriia literatury u slavian. Opyt rekonstruktsii. Vvedenie k kursu istorii slavianskikh literatur (Pre-History of Slavic Literature. An Experience of Reconstruction. Introduction to the Course on History of Slavic Literatures). Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russian).
- Barada, M. 1957. *Starohrvatska seoska zajednica*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
- Barford, P.M. 2001. The Early Slavs. Culture and Society in Early Medieval Eastern Europe. London: Cornell University Press
- Belaj, V. 2007. Hod kroz godinu. Pokušaj rekonstrukcije prahrvatskoga mitskoga svjetonazora. Zagreb: Golden marketing-Tehnička knjiga.
- Belak, M. 2014. Staroslovanski žarni grob s Kapiteljske njive v Novem mestu = Early Medieval cremation grave from Kapiteljska njiva in Novo mesto, Slovenia. In: Tecco Hvala S. (ed.). Studia praehistorica in honorem Janez Dular. Opera Instituti archaeologici Sloveniae 30. Ljubljana: Založba ZRC, 397—403.
- Bratož, R. 2014. Med Italijo in Ilirikom. Slovenski prostor in njegovo sosedstvo v pozni antiki. Ljubljana: Znanstvena založba

- Filozofske fakultete, Zveza zgodovinskih društev Slovenije, Slovenska akademija znanosti in umetnosti.
- Bratulić, J. 1994. *Aleja glagoljaša Roč Hum*. Zagreb; Pazin; Roč: Znamen, Istarsko književno društvo Juraj Dobrila, Katedra Čakavskog sabora Roč.
- Curta, F. 2001. The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500—700. Cambridge: University Press.
- Curta, F. 2008. Útváření Slovanů (se zvláštním zřetelem k Čechám a Moravě). Archeologické rozhledy 60 (4), 643—694.
- Curta, F. 2010. The early Slavs in the northern and eastern Adriatic region. A critical approach. *Archeologia Medievale* 37, 307—329.
- Curta, F. 2010a. Etnicitet u ranosrednjovjekovnoj arheologiji: Primjer ranoslavenskih nalaza u jadranskoj regiji. Starohrvatska prosvjeta 37 (III), 17—48.
- Długosz-Kurczabowa, K. 2008. Wielki słownik etymologiczno-historyczny języka polskiego. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Dzino, D. 2008. "Becoming Slav", "becoming Croat": new approaches in the research of identities in post-Roman Illyricum. Hortus artium medievalium 14, 195—206.
- Dzino, D. 2009. Novi pristupi izučavanja ranog hrvatskog identiteta. Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu 41, 33—54.
- Eichinger, W., Losert, H. 2004. Ein merowingerzeitliches Brandgräberfeld östlich-donauländischer Prägung bei Großprüfening. Das archäologische Jahr in Bayern 2003, 98—101.
- Gluhak, A. 1993. Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb: August Cesarec.
- Grafenauer, B. 1970. Poljedelski obdelovalni načini. Gospodarska in družbena zgodovina Slovencev, Zgodovina agrarnih panog I. zvezek. Agrarno gospodarstvo. Ljubljana: SAZU, 225—250.
- Hardt, M. 1998. Supan. Handwörterbuch zur deutschen Rechtsge-

- schichte V. Berlin, 84—88.
- Hrobat, K. 2003. *Šembilja na rimskih cestah. O ustnem izročilu in arheoloških raziskavah*. Ljubljana: Diplomsko delo, Oddelek za arheologijo, Filozofska fakulteta, Univerza v Ljubljani
- Hrobat, K. 2010. Ko Baba dvigne krilo. Prostor in čas v folklori Krasa. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete.
- Katičić, R. 2008. Božanski boj. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine. Zagreb; Mošćenička Draga: Ibis grafika, Katedra Čakavskog sabora Općine Mošćenička Draga, Odsjek za etnologiju i kulturnu antropologiju Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu.
- Katičić, R. 2010. Zeleni lug. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine. Zagreb; Mošćenička Draga: Ibis grafika, Matica hrvatska Katedra Čakavskog sabora Općine Mošćenička Draga.
- Katičić, R. 2011. Gazdarica na vratima. Tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine. Zagreb; Mošćenička Draga: Ibis grafika, Matica hrvatska Katedra Čakavskog sabora Općine Mošćenička Draga.
- Knific, T. 1979. Vranje pri Sevnici. Drobne najdbe z Ajdovskega gradca (leto 1974). Arheološki vestnik 30, 732—786.
- Knific, T. 1994. Vranje near Sevnica. A Late Roman Settlement in the Light of Certain Pottery Finds. Arheološki vestnik 45, 211—237.
- Kos, M. 1939. Vlahi in vlaška imena med Slovenci. Glasnik Muzejskega društva za Slovenijo 20, 226—235.
- Kuna, M., Hajnalová, M., Kovačiková, L., Lisá, L., Novák, J., Bureš, M., Cílek, V., Hošek, J., Kočár, P., Majer, A., Makowiecki, D., Scott Cummings, L., Sůvová, L., Světlík, I., Vandenberghe, D., Van Nieuland, J., Yost, C.L., Zabilska-Kunek, M. 2013. Raně středověký areál v Roztokách z pohledu ekofaktů. *Památky archeologické* 104, 59—147.
- Kurnatowski, S. 1979. Demographische Aspekte hinsichtlich slawischer Migrationen im 1. Jahrtausend. In: Chropovský B. (ed.). Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave. Bratislava, 7—14 septembre 1975. Vol. 1. Bratislava: Veda, 453—475.
- Losert, H. 2007—2008. Slawen in der Oberpfalz eine Bestandsaufnahme. *Acta archaeologica Carpathica* 42—43, 301—370.
- Losert, H. 2011. Das Brandgräberfeld von Regensburg-Großprüfening und die frühen Slawen in Pannonien. In Gedenken an Marek Dulinicz, Warschau († 2010). In: Heinrich-Tamáska O. (ed.). Keszthely-Fenékpuszta im Kontext spätantiker Kontinuitätsforschung zwischen Noricum und Moesia. Castellum Pannonicum Pelsonense. Bd. 2. Budapest; Leipzig; Keszthely; Rahden (Westf.): Verlag Marie Leidorf GmbH, 475—489.
- Lošek, F. 1997. Die Conversio Bagoariorum et Carantanorum und der Brief des Erzbischofs Theotmar von Salzburg. Monumenta Germaniae Historica, Studien und Texte 15. Hannover: Hahnsche Buchhandlung.
- Marušić, B. 1987. Starohrvatska nekropola u Žminju. Histria archaeologica 1. Pula: Arheološki muzej Istre.
- Modrijan, Z. 2011. Keramika. In: Modrijan, Z., Milavec, T. (eds.). Poznoantična utrjena naselbina Tonovcov grad pri Kobaridu. Najdbe. Opera Instituti Archaeologici Sloveniae 24. Ljubljana: Založba ZRC, 121—219.
- Muschal, B. 2002. Ein slawisches Brandgräberfeld in Lauriacum/Enns, Oberösterreich. Beiträge zur Mittelalterarchäologie in Österreich 18, 153—163.
- Niederle, L. 1906. *Původ a počátky Slovanů jižních. Svazek I.* Slovanské starožitnosti II (1). Praha: Bursík & Kohout.
- Pavlovič, D. 2013. Zgodnjesrednjeveška poselitev severovzhodne Slovenije. Primer najdišča Nova Tabla pri Murski Soboti. Koper: Doktorska disertacija, Univerza na Primorskem.
- Pera, M. 1988. Poljički statut. Splitski književni krug, Svjedočanstva 9. Split: Književni krug.
- Pleterski, A. 1998. Lepi, grdi, zli: o metodah, Liburniji, Karantaniji, vojvodskem stolu, Konverziji in Brižinskih spomenikih. Zgodovinski časopis 52, 215—277.
- Pleterski, A. 2003. Struktur des Gr\u00e4berfeldes Altenerding. In: Losert H., Pleterski A. (eds.). Altenerding in Oberbayern. Struktur des fr\u00fchmittelalterlichen Gr\u00e4berfeldes und "Ethnogenese" der Bajuwaren. Berlin; Bamberg; Ljubljana: Scribvaz Verlag, Zalo\u00e2ba ZRC, 505—684.
- Pleterski, A. 2005. De Sclavis autem unde dicitis. Slovani in Vlahi

- na "nikogaršnjem" ozemlju istrskega zaledja. *Acta Histriae* 13, 113—150.
- Pleterski, A. 2006. Police na Tolminskem prva "ciganska" vas na Slovenskem? In: Jerše S., Mihelič D., Štih P. (eds.). *Med srednjo Evropo in Sredozemljem: Vojetov zbornik*. Ljubljana: Založba ZRC, 33—45.
- Pleterski, A. 2008a. *Zgodnjesrednjeveška naselbina na Blejski Pristavi. Najdbe = Frühmittelalterliche Siedlung Pristava in Bled. Funde.* Opera Instituti archaeologici Sloveniae 14. Ljubljana: Založba ZRC.
- Pleterski, A. 2008b. Kuhinjska kultura v zgodnjem srednjem veku = Küchenkultur im Frühen Mittelalter. Ljubljana: Založba ZRC.
- Pleterski, A. 2008c. Zgodnjesrednjeveški žgani grobovi v vzhodnih Alpah. In: Steinkaluber U. (ed.). Frühmittelalterarchäologie in der Steiermark. Beiträge eines Fachgesprächs anlässlich des 65. Geburtstags von Diether Kramer. (Schild von Steier, Beiheft, 4). Graz: Landesmuseum Joanneum, 33—39.
- Pleterski, A. 2010a. Zgodnjesrednjeveška naselbina na blejski Pristavi. Tafonomija, predmeti in čas. = Frühmittelalterliche Siedlung Pristava in Bled. Taphonomie, Fungegenstände und zeitliche Einordnung. Opera Instituti archaeologici Sloveniae 19. Ljubljana: Založba ZRC.
- Pleterski, A. 2010b. Datiranje zgodnjesrednjeveške naselbine Lehen pri Mitterkirchnu v Zgornji Avstriji kot kontrola nove datacijske metode s pomočjo referenčne tabele in korelacijske formule ustij loncev. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu* 43, 309—324.
- Pleterski, A. 2013a. *The invisible Slavs*. *Župa Bled in the prehistoric Early Middle Ages*. Opera Instituti archaeologici Sloveniae 28. Ljubljana: Založba ZRC.
- Pleterski, A. 2013b. Slované a Vlaši u bran Itálie v souvislosti s etnogenezí Slovanů. *Archeologické rozhledy* 65, 618—641.
- Pleterski, A. 2013c. Etnogeneza Slavena metode i proces. Starohrvatska prosvjeta III/40, 7—32.
- Pleterski, A. 2014. *Kulturni genom. Prostor in njegovi ideogrami mitične zgodbe.* Studia mythologica Slavica Supplementa 10. Ljubljana: Založba ZRC.
- Pohl, W. 1988. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa 567—822 n. Chr. München: C. H. Beck.
- Popowska-Taborska, H. 2005. Zgodnja zgodovina Slovanov v luči njihovega jezika. Ljubljana: Založba ZRC.
- Profantová, N. 2005. Chronologie osídlení areálu v historických souvislostech. In: Počátky raného středověku v Čechách. Archeologický výzkum sídelní aglomerace kultury pražského typu v Roztokách. = The onset of the Early Middle Ages in Bohemia. Archaeological research at a large settlement siet of the Prague-type culture at Roztoky. Praha: Archeologický ústav AV ČR, 208—225.
- Rejzek, J. 2001. Český etymologický slovník. Voznice: Leda.
- Schallert, J., Greenberg, M.L. 2007. The Prehistory and Areal Distribution of Slavic *gslčěti 'Speak'. Slovenski jezik Slovene Linguistic Studies 6, 9—76.
- Schnizer, A. 1997. Die Karantanenmission ein Rekonstruktionsversuch. Diplomarbeit. Wien: Universität Wien, Katholisch-Theologische Fakultät.
- Smiljanić, F. 2010. *Studije o srednjovjekovnim slavenskim/hrvat-skim institucijama*. Posebna izdanja Odjela za povijest Sveučilišta u Zadru, Knjiga 3. Zadar: Sveučilište u Zadru, Odjel za povijest.
- Snoj, M. 1997. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana: Založba Mladinska knjiga.
- Sokol, V. 2011. Drugo shvaćanje hrvatskog identiteta. Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu 43, 459—474.
- Sułkowski, Z.1985. Allochtoniści i autochtoniści. *Z otchłani wiekow* 51, 107—115.
- Šašel, J. 1976. Omemba Slovanov v pesmi Martina iz Brage na Portugalskem. *Kronika* 24, 151—158.
- Šavel, I. 2009. *Pod Kotom jug pri Krogu*. Arheologija na avtocestah Slovenije 7. Ljubljana: Zavod za varstvo kulturne dediščine Slovenije.
- Škrubej, K. 2002. Ritus gentis Slovanov v vzhodnih Alpah. Model rekonstrukcije pravnih razmerij na podlagi najstarejšega jezikovnega gradiva. Ljubljana: Založba ZRC.
- Štih, P. 2011. Slovansko, alpskoslovansko ali slovensko? O jeziku slovanskih prebivalcev prostora med Donavo in Jadranom

- v srednjem veku (pogled zgodovinarja). *Zgodovinski časopis* 65, 8—51.
- Toporov, V.N. 2002. *Predzgodovina književnosti pri Slovanih, poskus rekonstrukcije*. Zupaničeva knjižnica 9. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, Oddelek za etnologijo in kulturno antropologijo.
- Tovornik, V. 1984. Erstfund einer frühmittelalterlichen Siedlung in Lehen bei Mitterkirchen, Pol. Bez. Perg, OÖ. *Jahrbuch des Oberösterreichischen Musealvereines* 129, 131—145.
- Vansina, J. 1985. Oral tradition as history. London: Currey; Nairobi: Heinemann Kenya.
- Werner, J. 1989. Der Schatzfund von Vrap in Albanien. Studien zur
- Archäologie der Awaren 2. Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Denkschriften 184. Wien: ÖAW.
- Wolfram, H. 2012. Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weißbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien. Herausgegeben, übersetzt, kommentiert und um die Epistola Theotmari wie um Gesammelte Schriften zum Thema ergänzt von Herwig Wolfram. Dela I. razreda Slovenske akademije znanosti in umetnosti 38; Zbirka Zgodovinskega časopisa 44. Ljubljana (Laibach): Slovenska akademija znanosti in umetnosti; Zveza zgodovinskih društev Slovenije.

Статья поступила в номер 31 января 2015 г.

Andrej Pleterski (Ljubljana, Slovenia). Full professor, doctor of archaeology, doctor of history and doctor of ethnology. Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts (ZRC SAZU)¹.

Andrej Pleterski (Ljubljana, Slovenia). Profesor universitar, doctor în arheologie, doctor în istorie, doctor în etnologie. Centrul de cercetări al Academiei de Științe și Arte din Slovenia.

Плетерский Андрей (Любляна, Словения). Профессор, доктор археологии, доктор истории, доктор этнологии. Исследовательский центр Словенской Академии наук и искусств.

E-mail: Pleterski@zrc-sazu.si